

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Для цитирования: Гринберг Р. С., Пылин А. Г. Евразийский экономический союз. Основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона. — 2020. — Т. 16, вып. 2. — С. 340-351.

<http://doi.org/10.17059/2020-2-1>

УДК 339.923, 339.924

JEL: F15, O57, P27

Р. С. Гринберг, А. Г. Пылин

Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация; e-mail: grinberg@inecon.ru)

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹

В настоящее время Евразийский экономический союз (ЕАЭС) находится на переломном этапе своего развития. После пяти лет действия договора о его создании сохраняются серьезные экономические противоречия между ключевыми участниками объединения, а достигнутые эффекты интеграции имеют неоднозначный характер. Выявлено, что положительные торговые эффекты ЕАЭС носили весьма ограниченный характер ввиду неблагоприятных внешних условий его реализации, а наиболее значимый выигрыш среди всех стран-участниц получила лишь Армения. Отмечаются позитивные изменения в товарной структуре взаимной торговли за счет увеличения доли товаров со средней и высокой добавленной стоимостью. Для оценки степени и характера влияния России на развитие экономик стран — участниц ЕАЭС были выделены и проанализированы такие каналы, как торговля товарами и услугами, личные переводы мигрантов и прямые иностранные инвестиции из России за 2011–2018 гг. Отмечается общее снижение значимости российского фактора в развитии государств — членов Союза ввиду сокращения объемов денежных переводов из России и взаимной торговли товарами. Более устойчивыми оказались торговля услугами и прямые инвестиции, что демонстрирует высокий потенциал развития сотрудничества в этих сферах. Ключевой проблемой развития ЕАЭС является неспособность обеспечить устойчивые темпы роста взаимной торговли, особенно в условиях меняющихся внешних факторов, среди которых нестабильность мировых цен на топливно-сырьевые товары, макроэкономические и геополитические вызовы. Установлено, что приоритет национальных экономических интересов стран-участниц, сохраняющиеся структурные различия экономик, торговые барьеры и ограничения, ослабление России как драйвера интеграции, усиливающаяся конкуренция со стороны ЕС и КНР на фоне растущей глобальной неопределенности сдерживают устойчивое поступательное развитие евразийской интеграции.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕС, СНГ, Россия, Китай, либерализация, протекционизм, внешние шоки, санкции, интеграционные эффекты, торговля товарами и услугами, прямые иностранные инвестиции, переводы трудовых мигрантов, общий индекс влияния, согласованная модернизация

Введение

В январе 2020 г. исполнилось ровно пять лет с момента вступления в силу договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). За прошедший период ЕАЭС прошел важный этап в своем становлении и развитии в достаточно сложных внешних условиях. Стремительно меняющаяся конъюнктура на мировых товарных рынках, формирование

трансрегиональных мегартнерств, замедление глобальной экономики и международной торговли, санкции, протекционистская политика и торговые войны — все эти факторы оказывали и продолжают оказывать влияние на развитие евразийской интеграции.

В настоящее время ЕАЭС находится лишь на начальном этапе своего развития, и для стран-участниц евразийская интеграция выступает, прежде всего, одним из способов укрепления национального экономического суверенитета.

¹ © Гринберг Р. С., Пылин А. Г. Текст. 2020.

Как известно, данный Союз был создан в целях создания условий для развития экономик государств-членов и повышения жизненного уровня населения, а также стремится в своей деятельности к формированию единых рынков в рамках объединения, всесторонней модернизации, кооперации и повышению конкурентоспособности национальных экономик¹.

В то же время, в международном разделении труда ЕАЭС выступает как крупный поставщик минерального топлива, других сырьевых и сельскохозяйственных товаров в Евразии, выступая при этом крупным общим рынком сбыта (с населением 184 млн чел.) для готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. Располагаясь между Европой и Азией, данное интеграционное объединение обладает высоким потенциалом развития транзитно-логистической функции [1].

Сложившаяся модель евразийской интеграции во многом отражает инерцию прошлого развития, значительное доминирование России, институциональные, социальные и экономические различия участвующих в ней стран, удаленность от главных центров международной торговли [2]. При этом ЕАЭС заимствовал у Европейского союза (ЕС) стадийную концепцию развития интеграционного процесса, идею разносторонней интеграции в отраслевом и страновом разрезах, частично идею наднациональности. Но модель евразийской интеграции в целом сильно отходит от европейского прототипа. Так, например, интеграция в рамках ЕС опирается не только на экономические задачи. Здесь есть определенная социокультурная установка, спланированная европейские народы и государства. В ЕАЭС пока такой установки нет, что сильно влияет на интеграционные процессы.

Динамика интеграционных процессов на постсоветском пространстве носила разнонаправленный характер. В СНГ с самого его образования присутствовала негативная интеграция как естественное следствие «шокового» распада СССР [3]. И вплоть до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., активизировавшего впоследствии процессы региональной интеграции, в отношениях каждой постсоветской республики с Россией действовал простой принцип: максимум экономических выгод, минимум политических обязательств [4]. И, пожалуй, впервые этот прин-

цип был нарушен при создании Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана (2010 г.), который впоследствии (с 2012 г.) трансформировался в Единое экономическое пространство и нынешний ЕАЭС (с 2015 г.). Впервые за весь постсоветский период были созданы и реально заработали наднациональные институты интеграции: Высший Евразийский экономический совет, межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), Суд ЕАЭС, Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийский фонд стабилизации и развития [5].

Важную роль в запуске процессов евразийской интеграции сыграли также схожие проблемы экономического развития участвующих в ней стран, среди которых ограниченные финансовые ресурсы, слабо развитая инфраструктура, жесткая конкуренция на мировых рынках, большая инерция прошлого развития и значительные социальные издержки рыночной трансформации [6].

За последние пять лет в рамках ЕАЭС была либерализована торговля товарами между странами-участницами, введен единый таможенный тариф. Новый Таможенный кодекс ЕАЭС вступил в силу с января 2018 г. и позволил значительно сократить различия в национальных подходах регулирования этой сферы, а также автоматизировать и упростить таможенные процедуры. Для защиты интересов потребителей и повышения конкурентоспособности производимой в ЕАЭС продукции были разработаны технические регламенты (по состоянию на начало 2020 г. было принято 48 технических регламентов). В 2016 г. были приняты концепции создания общего рынка электроэнергии, рынка нефти и газа, финансового рынка в рамках ЕАЭС. В мае 2017 г. вступил в силу единый рынок лекарственных средств и медицинского оборудования стран Союза. В то же время предпринимались попытки координации развития промышленности и агропромышленного комплекса. Так, например, велась активная работа по формированию Евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации государств — членов ЕАЭС.

Важным достижением ЕАЭС является отсутствие барьеров для трансграничного перемещения рабочей силы: граждане Союза могут беспрепятственно вести трудовую деятельность в любом государстве данного объединения. В ЕАЭС также поставлена цель обеспечить свободу движения капитала и торговли услугами, где в настоящее время страны-участницы предоставляют субъектам других госу-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 24 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 (дата обращения: 21.03.2020).

дарств Союза национальный режим, а также режим наибольшего благоприятствования [7].

Однако в Евразийском экономическом союзе сохраняются проблемы, связанные с отсутствием необходимой координации экономических политик, валютных политик, что было отчетливо продемонстрировано в 2014–2015 гг., когда в результате радикальной девальвации российского рубля был нанесен существенный удар по товарным потокам в рамках объединения. Следует также отметить сохраняющиеся различия в национальных интересах стран ЕАЭС, что приводит к ориентации преимущественно на согласование, а не на проведение единой промышленной и агропромышленной политики, а также к сохранению барьеров во взаимной торговле. По оценкам ЕАБР, нетарифные барьеры (НТБ) во взаимной торговле Беларуси, Казахстана и России «крадут» 15–30 % стоимости экспорта [8]. Открытие рынков по отдельным товарным позициям часто сдерживается политическими спорами. Наиболее острые из них возникают между Беларусью и Россией по таким вопросам, как ценообразование на нефть и природный газ, «молочные войны», обвинения в поставках в РФ санкционных европейских продуктов [9]. По данным ЕЭК, в ЕАЭС на конец 2018 г. насчитывалось 71 препятствие, из которых барьеров — 17, ограничений — 37, изъятий — 17. При этом за 2019 г. ситуация кардинальным образом не изменилась¹. Снижать существующие торговые препятствия в условиях нарастания глобального протекционизма будет крайне сложно, так как в этой ситуации национальные интересы защиты собственных товаропроизводителей часто преобладают над интеграционными целями и задачами.

Начальный этап становления ЕАЭС происходил в весьма неблагоприятных внешних условиях. Замедление международной торговли и глобальной экономики, нестабильная конъюнктура на мировых топливно-сырьевых рынках во многом сдерживали позитивные торговые эффекты в первые два-три года после запуска Союза. Значительное влияние также оказали украинский кризис 2014 г., последующие западные антироссийские санкции и ответные контрсанкции, которые в той или иной степени сдерживают экономику России — ведущего драйвера интеграции в регионе СНГ. На

¹ Захаркин И. Готовы ли в ЕАЭС к снятию всех барьеров? // Ритм Евразии. 06.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-03-06--gotovy-li-v-eaes-k-snjatiju-vseh-barerov-47845> (дата обращения: 25.03.2020).

фоне геополитического конфликта России и Запада окончательно оформился раскол постсоветского пространства по интеграционным и внешнеполитическим приоритетам, что потенциально будет сдерживать налаживание взаимовыгодного взаимодействия между ЕАЭС и ЕС.

На развитие евразийской интеграции негативное влияние оказывают сравнительно низкий уровень торгово-экономической связанности ЕАЭС, как самого объединения (по сравнению с ЕС и НАФТА), так и между отдельными странами Союза [10], а также сильные региональные различия внутри стран-участниц [11]. Это во многом обусловлено относительно низким уровнем технико-экономического развития и преимущественно сырьевым характером экономик стран-участниц, слабым развитием совместных региональных цепочек добавленной стоимости, внутриконтинентальным положением стран при слабой трансграничной инфраструктуре.

В этой связи предлагаются различные меры по корректировке модели евразийской интеграции и повышению ее эффективности. Среди ключевых направлений модернизации сотрудничества в ЕАЭС выделяются предотвращение дальнейшей бюрократизации и отказ от создания неэффективных наднациональных органов, переориентация экономической интеграции на потребителя, стимулирование человеческих и бизнес-контактов, создание общего цифрового пространства ЕАЭС и разработка совместной программы развития технологий четвертой промышленной революции [12]. Выбор приоритетов и дальнейшее развитие ЕАЭС во многом будет определяться сложившимися за последние пять лет трендами взаимного сотрудничества стран-участниц в условиях нарастания конкуренции со стороны ведущих игроков (ЕС и КНР) на постсоветском пространстве.

Структурные особенности взаимной торговли ЕАЭС

В последнее десятилетие динамика торгового взаимодействия на постсоветском пространстве во многом определялась образованием единой таможенной территории и устранением значительной части нетарифных барьеров после запуска Таможенного союза — ЕЭП и ЕАЭС, а также характером воздействия внешних факторов (прежде всего, спроса и цен на мировых топливно-сырьевых рынках) с учетом специфики интеграции государств-членов в мировую экономику. Следует отметить,

Таблица 1

Динамика взаимной торговли стран ЕАЭС

Страна	Объемы взаимной торговли по годам, млн долл.						2019 к 2014, %
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	
Армения	323,9	256,2	393,9	571,0	688,5	760,9	234,9
Беларусь	16 179,1	11 007,8	11 384,8	13 651,0	13 932,2	14 549,0	89,9
Казахстан	7 155,1	5 120,3	3 930,2	5 262,5	6 046,8	6 317,2	88,3
Кыргызстан	637,6	410,2	447,1	541,5	640,6	621,1	97,4
Россия	36 887,6	28 821,2	26 804,3	34 685,6	38 953,4	38 785,9	105,1
ЕАЭС	61 183,3	45 615,7	42 960,3	54 711,6	60 261,5	61 034,1	99,8

Источники: составлено и рассчитано авторами по данным ЕЭК.

что еще до появления Таможенного союза (ТС) между его странами-участницами действовали двусторонние соглашения о свободной торговле, а потому не следовало ожидать значительного улучшения взаимной торговли под влиянием тарифов (за исключением эффектов отклонения торговли). В связи с чем устранение внутренних таможенных границ, гармонизация технических стандартов, санитарных и фитосанитарных мер были ключевыми факторами, потенциально способствующими росту взаимной торговли в рамках ТС. Оценки А. Адарова из Венского института сравнительных международных экономических исследований (WIIW), основанные на гравитационной модели, показали положительные средние эффекты создания торговли: взаимная торговля в 2010–2014 гг. была в среднем намного выше, чем в том случае, если бы страны-участницы не создали Таможенного союза [13, 14].

Действительно, первые результаты функционирования Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана были весьма позитивными. По данным ЕЭК, в 2010–2011 гг. средние темпы прироста взаимной торговли (экспорта) в рамках ТС составляли около 1/3, причем наиболее высокие показатели отмечались в Беларуси (46–48 %), которая оказалась чуть ли не единственной страной, выигравшей от участия в ТС [15]. Однако уже в 2012 г. произошло заметное снижение средних показателей прироста взаимной торговли (до 7,5 %), а в 2013–2014 гг. — наблюдался спад (почти на 5–10 %). Такая динамика во многом была обусловлена существенным ухудшением экономической ситуации в России и быстрым исчерпанием среднесрочных эффектов интеграции [16].

Запуск в 2015 г. ЕАЭС совпал с негативными тенденциями в российской экономике на фоне украинского кризиса и начавшегося санкционного противостояния России с Западом, что также отразилось на динамике внутрирегионального взаимодействия, а позитивные инте-

грационные эффекты носили весьма ограниченный характер. В кризисный период 2014–2016 гг. наблюдался серьезный спад во взаимной торговле стран-участниц евразийской интеграции, что во многом было обусловлено падением мировых цен на топливно-сырьевые товары и, как следствие, снижением платежеспособного спроса в странах-участницах ЕАЭС. Масштабная девальвация российского рубля также оказала крайне негативное влияние на спрос РФ на импортные товары, произведенные, в частности, в других странах ЕАЭС. Возобновление темпов роста взаимной торговли в рамках евразийской пятерки совпало по времени с начавшимся умеренным ростом российской экономики и наблюдалось в период 2017–2019 гг., что во многом являлось следствием низкой базы и восстановительного роста (табл. 1).

По итогам 2015–2019 гг. наибольшую выгоду от участия в ЕАЭС получила Армения, где стоимостной объем внутрирегионального экспорта вырос в 2,3 раза. Суммарный прирост армянского экспорта в страны — члены Союза составил свыше 1,3 млрд долл., или 9,7 % ВВП. Столь значимые торговые эффекты для Армении во многом стали результатом наращивания армянского экспорта в РФ по достаточно широкому кругу товаров, среди которых коньяк, отходы и лом серебра, форель, томаты, счетчики электроэнергии, алмазы, шоколад, ферментированные напитки, медицинские инструменты и приборы, вина, ювелирные изделия и пр. Среди других стран следует отметить Россию, которой удалось за этот период увеличить годовой экспорт в ЕАЭС на 5,1 %. Все остальные страны — участницы ЕАЭС, как и Союз в целом, так и не достигли уровня взаимной торговли кризисного 2014 г. (табл. 1). При этом даже присоединившаяся к ЕАЭС в августе 2015 г. Республика Киргизия тоже не достигла соответствующего уровня, на что могли повлиять споры между Казахстаном и Киргизией по поводу качества молочной и другой сельско-

Динамика суммарных объемов взаимной торговли стран ЕАЭС

Страна	Объемы торговли по годам, млн долл.		2015–2019 к 2010–2014, %	Справочно	
	2010–2014	2015–2019		2019 к 2011, %	2019 к 2014, %
Армения	1 360,2	2 670,5	196,3	328,7	234,9
Беларусь	76 895,8	64 524,8	83,9	95,0	89,9
Казахстан	32 934,7	26 677,0	81,0	77,7	88,3
Кыргызстан	2 851,4	2 660,5	93,3	106,8	97,4
Россия	182 668,5	168 050,4	92,0	95,3	105,1
ЕАЭС-5	296 710,8	264 583,2	89,2	94,0	99,8

Источники: составлено и рассчитано авторами по данным ЕЭК (2014–2019 гг.), ИТС. Trade Map (2010–2013 гг.).

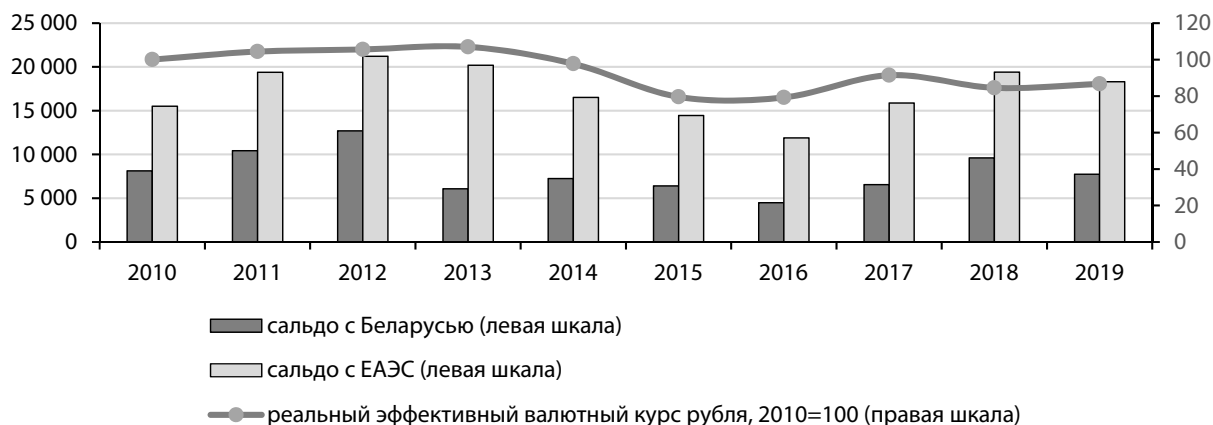

Рис. Сальдо России в торговле товарами со странами ЕАЭС, млн долл. (источники: составлено и рассчитано по данным ФТС России, IMF. International Financial Statistics)

хозяйственной продукции, экспортируемой Киргизией.

С учетом неравномерной динамики стоимостных объемов взаимной торговли стран — участниц евразийской пятерки в течение двух рассматриваемых периодов и в целях дополнительной оценки внешнеторговых эффектов интеграции были проведены расчеты суммарных объемов внутрирегионального экспорта по каждому периоду. Расчеты показали, что за 2015–2019 гг. суммарный стоимостной объем взаимной торговли всех стран — членов ЕАЭС по сравнению с периодом в рамках ТС-ЕЭП (2010–2014 гг.) снизился на 32,1 млрд долл., или на 10,8 %. При этом такое снижение (от –6,7 % до –19,0 %) наблюдалось практически по всем странам объединения, причем наиболее сильное в Казахстане и Беларуси. Единственным исключением оказалась Армения, позитивные торговые эффекты для которой были значительными и устойчивыми (табл. 2).

Отметим, что на динамику взаимной торговли большое влияние оказывают структурные особенности государств — членов ЕАЭС, которые условно делятся на две группы: страны — чистые экспортеры углеводородов (Россия, Казахстан), которые при снижении мировых цен на топливно-сырьевые товары стремятся

компенсировать сокращение экспортных поступлений и повысить свою конкурентоспособность на внешних рынках путем девальвации, и страны — чистые импортеры углеводородов (Армения, Беларусь и Киргизия), которые ограничены в масштабах обесценивания своих валют из-за высокой зависимости экономики от импорта, в том числе нефти и газа. В итоге возрастают дисбалансы во взаимной торговле этих двух групп стран, прежде всего с Россией, которая имеет со всеми странами Союза устойчивый торговый профицит. За период 2015–2019 гг. положительное сальдо РФ в торговле товарами со странами ЕАЭС выросло с 14,5 млрд долл. до 18,3 млрд долл., в том числе в торговле с Беларусью с 6,4 млрд долл. до 7,7 млрд долл. (в 2018 г. — до 9,6 млрд долл.) (рис.). Эти процессы усиливают торговые противоречия между отдельными странами объединения, особенно между Россией и Беларусью [17].

Таким образом, торговые эффекты евразийской интеграции носят неоднозначный характер ввиду разнонаправленной и неустойчивой динамики. На первом этапе (ТС-ЕЭП) для трех ведущих стран региона (Россия, Беларусь, Казахстан) отмечались значимые позитивные торговые эффекты, особенно для Беларуси. Однако эти эффекты носили крат-

Таблица 3

Товарная структура взаимной торговли стран ЕАЭС-3 в 2013–2019 гг., %

Товарная группа	Доля товарной группы во взаимной торговле по странам и годам								
	Беларусь			Казахстан			Россия		
	2013	2016	2019	2013	2016	2019	2013	2016	2019
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольственные товары и с/х сырье	27,3	33,5	32,0	8,4	11,3	10,0	7,1	9,3	9,5
Минеральные продукты	6,6	2,6	1,8	40,6	34,2	39,4	43,1	36,7	33,2
Продукция химической промышленности	10,7	11,9	12,3	8,1	19,1	14,4	9,9	12,0	11,8
Кожевенное сырье, пушнина	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,0	0,3	0,2	0,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,3	2,9	2,9	0,1	0,5	0,3	2,4	3,1	3,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	7,0	8,2	7,9	2,2	2,2	0,8	2,0	2,0	2,3
Металлы и изделия из них	7,4	6,7	7,2	24,2	25,8	26,0	13,7	11,5	12,9
Машины, оборудование и транспортные средства	31,4	27,9	29,7	9,8	5,6	7,8	17,3	15,8	18,4

Источник: составлено авторами по данным ЕЭК.

косрочный характер и через три года были прерваны в силу внешних изменившихся условий. Положительные торговые эффекты от запуска ЕАЭС носили сравнительно более ограниченный характер. Максимальный выигрыш получил новый член объединения — Армения, а также отчасти другой новичок — Киргизия, где снижение экспорта в ЕАЭС было минимальным.

Первоначально наблюдаемый прогресс во взаимной торговле стран — членов ЕАЭС оказался слабым и неспособным противостоять возникшим с 2014 г. макроэкономическим и геополитическим вызовам. Это подчеркивает важность укрепления роли и возможностей наднациональных институтов евразийской интеграции для преодоления сохраняющихся торговых барьеров, а также необходимость дальнейшего продвижения по всем «четырем свободам». По оценкам А. Кнобеля и других экономистов, устранение нетарифных барьеров на торговлю товарами, услугами и на взаимные инвестиции привело бы к существенному положительному эффекту увеличения благосостояния населения и роста экономики стран — участниц ЕАЭС [18]. При этом, на наш взгляд, именно в сфере взаимных инвестиций и торговли услугами содержится наибольший потенциал.

Для достижения этой задачи потребуются выработка более комплексного и глубокого подхода к евразийской интеграции, сближение национальных нормативно-правовых актов, преодоление существующих институциональных и инфраструктурных проблем.

Способность ЕАЭС совместными усилиями противостоять внешним шокам и одновременно достигать прогресса на пути технологической модернизации и повышать конкурентоспособность стран-участниц во многом будет определять жизнеспособность и перспективность данного интеграционного объединения.

За последние годы произошли заметные позитивные изменения в отраслевой структуре взаимной торговли стран ЕАЭС, о чем свидетельствует увеличение доли товаров со средней и высокой добавленной стоимостью. В Беларуси, Казахстане и России возросла доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, продукции химической промышленности, но сократился удельный вес минеральных продуктов. В Казахстане возросла доля металлов и изделий из них. В то же время в Беларуси и Казахстане немного снизилась доля машин, оборудования и транспортных средств, тогда как в России — возросла (табл. 3).

Сравнительное сокращение роли белорусской и казахстанской машинотехнической продукции во взаимной торговле стран ЕАЭС определяется падением спроса на эту продукцию со стороны РФ и частичной утратой ею ценовой конкурентоспособности на российском рынке после девальвации рубля. По данным ЕЭК, России удалось увеличить поставки своей машинотехнической продукции в страны ЕАЭС — с 4,6 млрд долл. в 2015 г. до 7,1 млрд долл. в 2019 г. При этом во всех рассматриваемых государствах укрепились позиции китайских машинотехнических изделий. На ввоз машин и

Таблица 4

Динамика географической структуры внешней торговли товарами в странах ЕАЭС в 2013–2019 гг., %

Страна	Вид торговли	ЕС-28			ЕАЭС-5			КНР		
		2013	2016	2019	2013	2016	2019	2013	2016	2019
Армения	экспорт	33,4	26,9	22,1	23,7	21,9	28,8	4,7	5,4	7,3
	импорт	26,4	22,5	20,9	24,3	31,0	27,8	8,8	10,9	13,6
	оборот	28,2	24,0	21,3	24,2	27,7	28,1	7,8	8,9	11,6
Беларусь	экспорт	28,1	24,0	25,5	47,9	48,4	44,2	1,2	2,0	2,1
	импорт	24,4	20,0	18,5	53,5	55,7	56,3	6,6	7,7	9,7
	оборот	26,1	21,8	21,7	50,9	52,3	50,8	4,1	5,1	6,2
Казахстан	экспорт	54,5	50,3	42,8	7,8	10,7	10,9	17,0	11,5	13,6
	импорт	18,6	22,6	17,0	39,0	38,4	39,1	17,1	14,6	17,0
	оборот	41,3	39,0	32,5	19,2	21,9	22,2	17,0	12,7	14,9
Киргизия	экспорт	3,7	5,1	45,0	30,9	20,9	31,6	2,2	5,6	4,1
	импорт	10,6	6,4	6,2	44,5	38,3	41,1	23,9	38,1	35,4
	оборот	9,1	6,1	17,3	41,4	33,6	38,4	19,0	29,3	26,4
Россия	экспорт	53,8	45,7	44,7	7,8	8,9	8,9	6,8	9,8	13,4
	импорт	42,6	38,4	36,4	6,4	7,4	8,0	16,9	20,9	22,2
	оборот	49,6	42,8	41,7	7,3	8,3	8,6	10,5	14,1	16,6

Источники: составлено и рассчитано по данным Национальной статистической службы Республики Армения, Национального статистического комитета Республики Беларусь, ФТС России; ИТС. Trade Map. March 2020.

оборудования из Китая наиболее быстрыми темпами переориентируется РФ, что объясняется западными санкциями. Эти тенденции свидетельствуют о частичном вытеснении с российского рынка машинотехнической продукции из других стран ЕАЭС китайскими товарами, что препятствует согласованной модернизации стран — участниц Союза.

За рассматриваемый период произошли значительные изменения во внешней торговле ТС-ЕЭП-ЕАЭС. Корректировка ставок импортных пошлин и введение единого таможенного тарифа странами — участницами евразийской интеграции оказали влияние на динамику и структуру их внешней торговли. Во всех странах евразийской пятерки (за исключением Республики Киргизия, где отмечался значительный рост поставок необработанного золота с месторождения Кумтор в Великобританию) заметно сократилась доля торговли с ЕС, и, наоборот, увеличилась доля торговли с КНР (за исключением Казахстана, что во многом стало результатом переноса китайских производств на территорию страны [19, с. 9–26]). При общем опережающем росте ввоза китайских товаров, которые во многом замещают европейские на внутренних рынках ЕАЭС странам региона (за исключением России) пока не удастся добиться стабильных темпов прироста экспорта товаров в Китай в силу весьма ограниченной товарной (преимущественно сырьевой) номенклатуры (табл. 4).

Сегодня ЕАЭС развивается все больше «вширь», чем «вглубь», поскольку в националь-

ных экономиках преобладает сырьевая экономика, а интересы стран-участниц трудно совмещаются без механизмов компенсаций экономических потерь. Проектная часть во взаимном сотрудничестве отстает от институциональной. Заявленные проекты имеют преимущественно двусторонний характер и по своим масштабам пока не приводят к заметному росту взаимной торговли. В этой связи страны ЕАЭС стремятся активно развивать торгово-экономические связи с третьими странами, в том числе путем заключения с ними преференциальных торговых соглашений. Первым подобным шагом стало подписание (29 мая 2015 г.) и вступление в силу (5 октября 2016 г.) соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом. Впоследствии были подписаны временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли (ЗСТ) ЕАЭС — Иран (17 мая 2018 г.), соглашение о ЗСТ ЕАЭС — Сингапур (1 октября 2019 г.), соглашение о ЗСТ ЕАЭС — Сербия (25 октября 2019 г.). По оценкам Всемирного банка, новые торговые соглашения между ЕАЭС и этими странами могут способствовать расширению экспортных возможностей России [20].

О роли России в развитии евразийской интеграции

Ключевой структурной особенностью ЕАЭС является значительное доминирование России, что во многом предопределяет развитие постсоветской интеграции. На Россию приходится почти 87 % совокупного ВВП, тогда

Таблица 5

Каналы воздействия России на экономику стран ЕАЭС в 2011–2018 гг., % ВВП страны-партнера

Страна-партнер	Торговля товарами		Торговля услугами		Личные переводы из России		Накопленные ПИИ из России		Общий индекс влияния	
	2011–2014	2015–2018	2011–2014	2015–2018	2011–2014	2015–2018	2011–2014	2015–2018	2011–2014	2015–2018
Беларусь	57,2	55,1	4,2	6,1	0,5	1,2	5,7	6,4	67,6	68,8
Киргизия	28,2	18,1	8,8	8,3	27,5	24,7	2,5	2,4	67,0	53,5
Армения	12,0	13,6	6,0	5,6	14,4	9,3	12,6	11,2	45,0	39,7
Казахстан	10,8	9,4	1,4	1,9	0,2	0,3	1,3	1,9	13,7	13,5
ЕАЭС (ср. ариф.)	27,1	24,1	5,1	5,5	10,7	8,9	5,5	5,5	48,3	43,9

Примечание: показатели за 2011–2014 гг. и 2015–2018 гг. рассчитаны как среднеарифметические значения за соответствующие периоды на основе номинальных (текущих) цен.

Источники: составлено и рассчитано по данным ИТС. Trade Map, IMF. Coordinated Direct Investment Survey (CDIS), IMF World Economic Outlook Database, October 2019; ЦБ РФ.

как другие государства-члены значительно меньше по размеру. На Армению и Киргизию вместе приходится чуть более 1 % общего ВВП Союза (расчеты по данным МВФ за 2018 г.). Такая особенность евразийской интеграции предопределяет как минимум два обстоятельства. Во-первых, меньшие страны — члены Союза больше выиграют от улучшения доступа к емкому российскому рынку. Во-вторых, динамика торгово-экономического взаимодействия в ЕАЭС и состояние экономик стран-участниц сильно зависят от экономической ситуации в России. При этом степень и характер влияния России на экономики других стран — участниц Союза различается.

Экономическое влияние России осуществляется через трансграничные потоки товаров, людей, капиталов, технологий и услуг, которые регулируются различными национальными и международно-правовыми инструментами. На базе этих инструментов реализуются различные международные бизнес-проекты, меняющие структуру национальной экономики рассматриваемых стран.

Для оценки степени и характера влияния России на развитие экономик стран — участниц ЕАЭС были выделены и проанализированы такие каналы, как торговля товарами и услугами, личные переводы мигрантов и прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из России за 2011–2018 гг. С этой целью были рассчитаны стоимостные показатели двусторонних (России, с одной стороны, и отдельно четырех стран ЕАЭС — с другой) экономических связей как их процентное отношение к объему ВВП каждой из стран ЕАЭС (без РФ) (табл. 5).

За этот период произошло заметное снижение значимости российского фактора по двум каналам воздействия — по денежным переводам и торговле товарами ввиду девальвации российского рубля и меняющейся конъюнктуры

на мировых топливно-сырьевых рынках. При этом отметим, что и ранее сокращение торговли и переводов мигрантов также обеспечило существенный вклад в распространение экономического кризиса в регионе СНГ в 2008–2009 гг. [21].

За рассматриваемый период более устойчивыми оказались торговля услугами и прямые инвестиции, что демонстрирует высокий потенциал развития сотрудничества в этих сферах. При этом наиболее сильное влияние Россия по-прежнему оказывает через торговлю товарами и личные переводы.

В частности, одним из наиболее устойчивых и динамично развивающихся каналов взаимодействия в регионе стала торговля услугами. За 2015–2018 гг. торговля услугами России со странами ЕАЭС возросла с 7,8 млрд долл. до 8,6 млрд долл., что превысило максимальный докризисный показатель 2013 г., составлявший 8,0 млрд долл. В торговле услугами Россия также сохраняет положительное сальдо со всеми странами ЕАЭС, за исключением Беларуси (около 500 млн долл.), для которой это направление сотрудничества с РФ частично компенсирует крупное отрицательное сальдо по торговле товарами. Для большинства стран — участниц ЕАЭС, занимающих внутриконтинентальное положение, крайне важна возможность выхода на внешние рынки через российские коммуникации. Динамичный рост торговли услугами в рамках евразийской интеграции обусловлен их меньшей подверженностью ценовой волатильности, «сервисификацией» обрабатывающих отраслей и является отражением сложившихся тенденций в международной торговле в условиях цифровизации [22, 23].

Согласно проведенным расчетам общего индекса влияния, наиболее сильное экономическое воздействие Россия оказывает на Беларусь

и Киргизию, среднее — на Армению, значительно меньшее — на Казахстан, что в последнем случае объясняется собственным (нефтегазовым) экспортным потенциалом страны, проводящей более независимую многовекторную внешнюю политику. Сравнительно низкая степень зависимости Казахстана от торгово-экономического сотрудничества с Россией впоследствии может стать серьезным вызовом при смене политических элит.

Слабость инновационного и инвестиционного влияния (по сравнению с США, ЕС и КНР) Россия компенсирует внешнеполитическим весом, активным военно-техническим сотрудничеством, привлекательностью рынка труда и транзитным потенциалом. Важным преимуществом России, помимо ее размеров, является историческая близость и длительное нахождение со всеми странами — участницами ЕАЭС в одном государстве, положение на стыке разных цивилизаций и многонациональность, значительные диаспоры народов на ее территории, обретших свою государственность после распада СССР. Большинство соседних народов традиционно уважительно относится к РФ, видя в ней надежного партнера, хотя и с ограниченными технологическими и финансовыми возможностями. Эти преимущества помогают России сохранить свое влияние в рассматриваемых странах, а также позволяют инициировать новые идеи и проекты в Евразии.

Заключение

К настоящему времени евразийская интеграция прошла два основных этапа в своем развитии:

— первый (2010–2014 гг.) — функционирование трех стран (России, Беларуси и Казахстана) в формате ТС-ЕЭП, начало реализации принципа «четырёх свобод» и попытки координации экономической политики между государствами-членами;

— второй (2015–2019 гг.) — запуск и расширение ЕАЭС до пяти участников, становление Союза как международной организации региональной экономической интеграции, заключение соглашений о зонах свободной торговли с третьими странами.

В среднесрочной перспективе предстоит пройти третий этап (2020–2024 гг.), который во многом станет определяющим для будущего данного объединения. При этом ЕАЭС потенциально способен как перейти к более конкурентоспособному объединению с более диверсифицированной экономикой и разнообразной системой внутрирегиональных связей, так

и сохранить существующую преимущественно сырьевую направленность и слабую связанность экономик государств-членов.

В принятой в конце 2018 г. Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза¹ ставится задача трансформации ЕАЭС в один из наиболее значимых центров мировой экономики путем повышения связанности государств-членов в торговой, инвестиционной, цифровой и социальной сферах, а также расширения взаимовыгодного сотрудничества с третьими странами в рамках «Большого Евразийского партнерства». Однако развитие евразийской интеграции, вероятно, будет осуществляться в условиях продолжающейся глобальной и региональной неопределенности и турбулентности [24].

Международный опыт показывает, что малые и средние по масштабам экономики могут быть конкурентоспособными только в рамках более крупного интеграционного объединения, учитывая важность емкости рынков и эффекта масштаба производства. Об этом, в частности, свидетельствует активное продвижение собственных проектов организации постсоветского пространства наиболее мощными центрами современной мировой экономики: программа «Восточное партнерство» и соглашения об ассоциации ЕС, проект «Нового шелкового пути» США, инициатива КНР «Один пояс — один путь». При этом евразийская интеграция рассматривается как важное звено сотрудничества в Большой Евразии [25].

Возможное создание ЗСТ ЕС — ЕАЭС могло бы решить проблемы экономической несовместимости этих двух объединений и взаимоисключающего характера предложений, которые эти союзы делают потенциальным партнерам [26, с. 59–60]. В обозримой перспективе практическая важность взаимодействия ЕС и ЕАЭС как крупных интеграционных проектов в Евразии будет только возрастать, что обусловлено целым рядом причин. Продолжающееся усиление влияния КНР на континенте, рост противоречий между ЕС и США, снижение интереса Запада к государствам постсоветского пространства после украинского кризиса и подписания Евросоюзом соглашений об ассоциации с тремя из них (Грузией, Молдовой и Украиной), ослабление позиций ЕС на рынках

¹ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. СПб., 6 дек. 2018 г. С. 7 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018 (Дата обращения: 27.03.2020).

ЕАЭС, растущий интерес бизнеса двух сторон, внутренние проблемы Евросоюза после выхода Великобритании — все эти факторы будут способствовать поиску взаимоприемлемых компромиссов между двумя объединениями и выработке форматов сопряжения двух интеграций.

Отдельно стоит сказать о сотрудничестве России и ЕАЭС с Китаем в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути». И с экономической, и с геополитической точки зрения весьма перспективен совместный проект высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва — Пекин. Только надо помнить о своих интересах и не воспринимать «Шелковый путь» как альтернативу восстановлению сотрудничества России с Европой. Не менее важно продолжать углублять интеграцию на постсоветском пространстве.

Наращивание экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью внутри региона может стать начальным этапом к росту ее продаж в глобальных масштабах. Совместное продвижение продукции на рынки третьих стран становится наиболее актуальной задачей в условиях сохраняющихся внутренних экономических противоречий (цены на углеводороды, нетарифные ограничения). Эффекты евразийской интеграции, связанные с торговлей товарами и трудовыми миграциями, продолжают постепенно снижаться. Наиболее перспективными сферами взаимного сотрудничества являются торговля услугами и общие инвестиции в инновационные проекты. Проведение согласованной экономической модернизации остается важным условием стабильного развития стран — членов ЕАЭС на фоне усиливающейся глобальной неопределенности.

Список источников

1. Вардомский Л. Б., Тураева М. О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2018. — 66 с.
2. Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. Л. Б. Вардомский. — СПб.: Алетея, 2019. — 288 с.
3. Гринберг Р. С. Формирование Евразийского союза. Шансы и риски // Аналитический вестник. — 2014. — № 6 (524). — С. 18–29.
4. Гринберг Р. С. В поисках равновесия. — М.: Магистр, 2019. — 160 с.
5. Vinokurov E. Introduction to the Eurasian Economic Union. — London; New York: Palgrave Macmillan, 2018. — 211 p.
6. Постсоциалистический мир. Итоги трансформации / под общ. ред. С. П. Глинкиной: в 3 т. — СПб.: Алетея, 2017. Т. 2. Постсоветские государства / отв. ред. Л. Б. Вардомский. — 454 с.
7. Ушкалова Д. И. Евразийская интеграция. Новые возможности для инвестиций / Под ред. Р. С. Гринберга. — М., 2018. — 48 с.
8. Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС. Результаты опросов предприятий / Винокуров Е. Ю., Демиденко М. В., Пелипась И. В., Тоцицкая И. Э., Шиманович Г. И., Липин А. С., Анисимов А. М. — СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015. — 96 с.
9. Пылин А. Г. Белорусский бизнес в ЕАЭС как фактор региональной интеграции // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 10. — С. 92–97.
10. Пылин А. Г. Проблемы повышения связанности постсоветской евразийской интеграции // Общество и экономика. — 2019. — № 11. — С. 57–69. — DOI: 10.31857/S020736760007589-6.
11. Григорьев Л. М., Бриллиантова В. В., Павлюшина В. А. Евразийский экономический союз. Успехи и вызовы интеграции // Мир новой экономики. — 2018. — № 12(3). — С. 6–19. — DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-4-6-19.
12. Хейфец Б. А. Как модернизировать Евразийский экономический союз. Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2019. — 45 с.
13. Adarov A. Eurasian Economic Integration: Impact Evaluation Using the Gravity Model and the Synthetic Control Methods // WIIW Working Paper. — 2018. — No. 150 (Sept.). — 48 p.
14. Adarov A. Trade effects of Eurasian economic integration to date // WIIW. Monthly Report. — 2019. — No. 04. — P. 7–14.
15. Libman A., Ushkalova D. Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan, and Russia // Central Asia Economic Paper [Elliott School of International Affairs, the George Washington University]. — 2013. — No. 8 (May). — P. 1–6.
16. Ушкалова Д. И. 5 лет ЕАЭС. Итоги взаимной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. — 2020. — № 1. — С. 73–92.
17. Шурубович А. В. Белоруссия в ЕАЭС. Тенденции, проблемы, перспективы // Россия и современный мир. — 2019. — № 4 (105). — С. 91–110.
18. Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalization? / Knobel A., Lipin A., Malokostov A., Tarr D., Turdyeva N. // Bank of Russia Working Paper Series. — 2019. — No. 41 (June). — 72 p.

19. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства. Уроки для России. Научный доклад / Глинкина С. П., Куликова Н. В., Тураева М. О., Голубкин А. В., Яковлев А. А. — М.: Институт экономики РАН, 2018. — 66 с.

20. Russia Economic Report No. 42. Weaker Global Outlook Sharpens Focus on Domestic Reforms. — Washington, DC.: The World Bank, 2019. — 63 p.

21. Golovnin M., Libman A., Ushkalova D., Yakusheva A. Is the USSR Dead? Experience from the Financial and Economic Crisis of 2008–2009 // Communist and Post-Communist Studies. — 2013. — No. 1. — P. 109–122.

22. Спартак А. Н. Стратегические аспекты российского экспорта услуг // Российский внешнеэкономический вестник. — 2018. — № 12. — С. 7–30.

23. World Trade Report. The future of services trade. — Geneva: World Trade Organization, 2019. — 227 p.

24. Regional Economic Prospects in the EBRD Regions. November 2019. — London : European Bank for Reconstruction and Development, 2019. — 40 p.

25. Вардомский Л. Б. Евразийская интеграция. Некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — № 4. — С. 110–126.

26. Чаран С., Демус А., Шапиро Д. Выйти из «промежуточного положения». Представления о региональном порядке в постсоветской Европе и Евразии. — Вена : Региональное Бюро Сотрудничества и Мира в Европе Фонда имени Фридриха Эберта, 2019. — 221 с.

Информация об авторах

Гринберг Руслан Семенович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, Институт экономики РАН; Scopus Author ID: 5599922800; ORCID: 0000-0003-3616-1888 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: grinberg@inecon.ru).

Пылин Артем Геннадьевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики РАН; доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ; ORCID: 0000-0002-1979-3624 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49; e-mail: artem-pylin@yandex.ru).

For citation: Grinberg, R. S. & Pylin, A. G. (2020). Eurasian Economic Union: Main Development Trends amid Global Uncertainty. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 16(2), 340-351

R. S. Grinberg, A. G. Pylin

Institute of Economics of RAS (Moscow, Russian Federation; e-mail: grinberg@inecon.ru)

Eurasian Economic Union: Key Development Trends amid Global Uncertainty

Currently, the Eurasian Economic Union (EAEU) is at a critical juncture in its development. Five years after the agreement came into force, but there are still serious economic contradictions between the key participants of the Union, as the achieved integration effects are quite ambiguous. Due to unfavourable external conditions, the positive trade effects of the implementation of the EAEU have been very limited. Only Armenia, of all member countries, has benefited most. However, an increase in medium and high value-added products led to positive changes in the commodity structure of mutual trade. For assessing the degree and nature of the impact of the Russian Federation on the economies of the EAEU member countries, we identified and analysed such factors as trade in goods and services, migrant remittances and foreign direct investment from Russia in the period 2011–2018. In general, the reduced remittances from Russia and a decline in mutual trade in goods decreased the significance of the Russian factor in the development of the members of the Union. At the same time, trade in services and direct investments are more sustainable, indicating the high potential for the development of cooperation in these areas. Influenced by changing external factors, such as volatile fuel and raw materials prices, different macroeconomic and geopolitical challenges, the EAEU is unable to ensure sustainable growth in mutual trade. We have identified a variety of aspects hindering the progressive development of the Eurasian integration amid global uncertainty. They include the priority of the national economic interests of the member countries, the remaining structural economic differences, trade barriers and restrictions, the weakening of Russia as an integration driver, as well as increasing competition from the EU and China.

Keywords: EAEU, EU, CIS, Russia, China, liberalization, protectionism, external shocks, sanctions, integration effects, trade in goods and services, foreign direct investment, labour migrant remittances, general impact index, coordinated modernization

References

1. Vardomsky, L. B., & Turaeva, M. O. (2018). *Razvitie transportnykh koridorov postsovetskogo prostranstva v usloviyakh sovremennykh geopoliticheskikh i ekonomicheskikh vyzovov. Nauchnyy doklad [Development of the post-soviet transport corridors in terms of contemporary geopolitical and economic challenges]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 66. (In Russ.)

2. Vardomsky, L. B. (Ed.) (2019). *Evraziyskaya integratsiya v turbulentnom mire [Eurasian Integration in a Turbulent World]*. St. Petersburg: Aletheia, 288. (In Russ.)

3. Grinberg, R. S. (2014). Formirovaniye Evraziyskogo soyuza: Shansy i riski [Formation of the Eurasian Union: chances and risks]. *Analiticheskiy vestnik [Analytical Bulletin]*, 6(524), 18–29. (In Russ.)

4. Grinberg, R. S. (2019). *V poiskakh ravnovesiya [In search of balance]*. Moscow: Master, 160. (In Russ.)
5. Vinokurov, E. (2018). *Introduction to the Eurasian Economic Union*. London and New York: Palgrave Macmillan, 211.
6. Glinkina, S. & Vardomsky, L. B. (Eds.). (2017). *Postsotsialisticheskiy mir: itogi transformatsii: v 3 t. Tom 2. Postsovetskie gosudarstva [Post-socialist world: results of transformation: In 3 volumes. Volume 2. Post-Soviet states]*. St. Petersburg: Aletheia, 454. (In Russ.)
7. Ushkalova, D. I. (2018). *Evraziyskaya integratsiya: novye vozmozhnosti dlya investitsiy [Eurasian Integration: New Opportunities for Investments]*. Moscow, 48. (In Russ.)
8. Vinokurov, E. Y., Demidenko, M. V., Pelipas, I. V., Tochitskaya, I. E., Shimanovich, G. I., Lipin, A. S. & Anisimov, A. M. (2015). *Otsenka vliyaniya netarifnykh barerov v EAES. Rezultaty oprosov predpriyatiy [Assessing the impact of non-tariff barriers in the EAEU: results of enterprise surveys]*. Saint Petersburg: EDB Centre for Integration Studies, 96. (In Russ.)
9. Pylin, A. G. (2019). Belorusskiy biznes v EAES kak faktor regionalnoy integratsii [Belarusian business in the EAEU as a factor of regional integration]. *Innovatsii i investitsii [Innovation and Investment]*, 10, 92–97. (In Russ.)
10. Pylin, A. G. (2019). Problemy povysheniya svyazannosti postsovetskoj evraziyskoj integratsii [The factors challenging the coherence increase within the framework of the post-soviet Eurasian integration]. *Obshchestvo i Ekonomika [Society and Economics]*, 11, 57–69. DOI: 10.31857/S020736760007589–6. (In Russ.)
11. Grigor'ev, L. M., Brilliantova, V. V. & Pavlyushina, V. A. (2018). Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: Uspekhi i vyzovy integratsii [Eurasian Economic Union: Achievement and Challenges of Integration]. *Mir novoy ekonomiki [The World of New Economy]*, 12(3), 6–19. DOI: 10.26794/2220–6469–2018–12–4–6–19. (In Russ.)
12. Kheyfets, B. A. (2019). *Kak modernizirovat Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz. Nauchnyy doklad [How to modernize the Eurasian Economic Union]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 45. (In Russ.)
13. Adarov, A. (2018). *Eurasian Economic Integration: Impact Evaluation Using the Gravity Model and the Synthetic Control Methods*. WIIW Working Paper. No. 150. Vienna, September, 48.
14. Adarov, A. (2019). Trade effects of Eurasian economic integration to date. *WIIW. Monthly Report*, 04, 7–14.
15. Libman, A. & Ushkalova D. (2013). *Foreign Trade Effects of the Customs Union between Belarus, Kazakhstan, and Russia*. Central Asia Economic Paper. No. 8. May. Elliott School of International Affairs, the George Washington University, 6.
16. Ushkalova, D. I. (2020). 5 let EAES. Itogi vzaimnoy trgovli [Five years of EAEU: trade results]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, 1, 73–92. (In Russ.)
17. Shurubovich, A. V. (2019). Belorussiya v EAES. Tendentsii, problemy, perspektivy [Byelorussia in the EAEU: Trends, Problems, Prospects]. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]*, 4(105), 91–110. (In Russ.)
18. Knobel, A., Lipin, A., Malokostov, A., Tarr, D. & Turdyeva, N. (2019). *Deep Integration in the Eurasian Economic Union: What are the Benefits of Successful Implementation or Wider Liberalization?* Bank of Russia. Working Paper Series No. 41. June, 72.
19. Glinkina, S. P., Kulikova, N. V., Turaeva, M. O., Golubkin, A. V. & Yakovlev, A. A. (2018). *Kitayskiy faktor v razvitii stran rossiyskogo poyasa sosedstva. Uroki dlya Rossii. Nauchnyy doklad [Chinese factor in the development of the countries of the Russian neighborhood belt: lessons for Russia]*. Moscow: Institute of Economics, RAS, 66. (In Russ.)
20. *Weaker Global Outlook Sharpens Focus On Domestic Reforms. Russia Economic Report № 42*. (2019). Washington, DC. The World Bank, 63.
21. Golovnin, M., Libman, A., Ushkalova, D. & Yakusheva, A. (2013). Is the USSR Dead? Experience from the Financial and Economic Crisis of 2008–2009. *Communist and Post-Communist Studies*, 1, 109–122.
22. Spartak, A. N. (2018). Strategicheskie aspekty rossiyskogo eksporta uslug [Strategic aspects of Russia's services exports]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, 12, 7–30. (In Russ.)
23. *The future of services trade. World Trade Report*. (2019). Geneva: World Trade Organization, 227.
24. *Regional Economic Prospects in the EBRD Regions*. (2019). London: European Bank for Reconstruction and Development, 40.
25. Vardomsky, L. B. (2019). Nekotorye itogi i vozmozhnye stsennarii razvitiya [Eurasian integration: some results and possible development scenarios]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, 4, 110–126. (In Russ.)
26. Charap, S., Demus, A. & Shapiro, D. (Eds.) (2019). *Vyyti iz «promezhutochnogo polozheniya»: Predstavleniya o regionalnom poryadke v postsovetskoj Evrope i Evrazii [Getting out from «In-Between»: Perspectives on the Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia]*. Trans. from English. Vienna: Regional Bureau for Cooperation and Peace in Europe of the Friedrich Ebert Foundation, 221. (In Russ.)

Authors

Ruslan Semenovich Grinberg — Corresponding Member of RAS, Doctor of Economics, Professor, Academic Supervisor, Institute of Economics of RAS; Scopus Author ID: 55999922800; ORCID: 0000–0003–3616–1888 (32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: grinberg@inecon.ru).

Artem Gennadievich Pylin — PhD in Economics, Senior Research Associate, Institute of Economics of RAS; Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; ORCID: 0000–0002–1979–3624 (32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117218; 49, Leningradskiy Av., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: artem-pylin@yandex.ru).